

Л. А. Гиндин

**ЭТИМОЛОГИИ СЛОВ: I. АТТ. τεῦτλον, ИОН. σεῦτλον;
II. ГРЕЧ. νῆποι**

I АТТ. τεῦτλον, ИОН. σεῦτλον

Это греческое название одного из видов свеклы, ‘*Beta maritima L.*’, в сущности еще не подвергалось этимологическому анализу¹, если не принимать в расчет робкой попытки А. Карнума² (о чём ниже) и вскользь брошенного М. Леженом замечания, что «в начале слов между τ- и σ- существуют определенные колебания, например в эгейских заимствованиях: ион.-атт. σῦχον, но беот. τῦχον ‘смоква, винная ягода, фига’, ион. σεῦτλον, но атт. τεῦτλον ‘белая свекла’»³. Действительно, изолированное положение интересующего нас названия в греческом словаре, создавая определенные трудности для этимолога, вместе с тем наталкивает на мысль о заимствовании. Но из какого языка и какова его исходная форма? Термины «*mots méditerranéens*», «*Namen aus dem ägäischen Bereich*», «*emprunts égéens*» — в том смысле, в каком их употребляют П. Шантрен (*«La formation des noms en grec ancien»*. Paris, 1933), Э. Швицер и М. Лежен (указ. соч.), — в настоящее время вряд ли могут считаться удовлетворительными, поскольку древнейшее население Средиземноморья, как теперь установлено, этнически было неоднородным. Его восточную часть, включая Балканы и бассейн Эгейского моря, задолго до прихода туда греков населяли индоевропейские племена: иллирийцы, пеласги, фракийцы, фригийцы, хетты, лувийцы и т. п.⁴

¹ См.: Boisacq, стр. 860: «étym. inconnue»; Hofmann, стр. 310: «unerkl.».

² A. Carnoy. *Dictionnaire étymologique des noms grecs de plantes*. Louvain, 1959, стр. 260.

³ M. Lejeune. *Traité de phonétique grecque*. Paris, 1947, стр. 93; см.: E. Schwyz. *Griechische Grammatik*, Bd I. München, 1939, стр. 533.

⁴ Из новейших работ об этом см.: W. Merlingen. Zum «Vorgriechischen». — БЕз IV, 1962, стр. 25 сл.; V, 2, 1962, стр. 5 сл.; VI. Georgiev. *La toponymie ancienne de la péninsule balkanique et la thèse méditerranéenne*. Sofia, 1961; A. Heubeck. *Praegraeca*. Erlangen, 1961; O. Haas. *Das frühlitalische Element*. Wien, 1960; его же. Die

В связи с этим многие этимологически темные греческие слова (имена собственные и нарицательные) нашли вполне правдоподобное объяснение в качестве заимствований из догреческих индоевропейских языков Балканского п-ова, в частности из пеласгского, имевшего, видимо, почти идентичную фонетическую систему с фракийским и, возможно, близко родственного ему⁵; оба языка, надо полагать, составляли существенный компонент индоевропейского субстрата на Балканах. Поэтому уже саму мысль А. Карнуа (указ. соч., стр. 260) о генетической связи атт. *τεῦτλον*, ион. *σεῦτλον* и беот. *τῆκον*, ион. *σῆκον* 'фига (дерево и плод)' и их «фрако-пеласгском» происхождении следует в общих чертах оценить положительно. Однако определенные возражения вызывает возведение обоих названий к и.-е. корню **teu-* 'être gros, gonfler'. Здесь А. Карнуа, собственно, воспроизводит реконструкцию В. Георгиева, который предложил пеласг. **thuk(h)a-* (и.-е. **teu-* 'пухнуть, вздуваться, становиться большим')⁶ в качестве исходной формы для беот. *τῆκον*, ион. *σῆκον* и лат. *ficus*⁷. Эта реконструкция неудовлетворительна главным образом с фонетической стороны, так как у самого В. Георгиева нет примеров непосредственного отражения пеласг. *th* в греч. *τ* (предположить деаспирацию обоих придыхательных на греческой почве также нет никаких оснований). В статье «К этимологии старосл. тыкы, др.-русск. тыкъвь, тыква» («Этимологические исследования по русскому языку», вып. II. М. 1962, стр. 82—89), где выдвигаются и некоторые другие соображения против интерпретации В. Георгиева, нам как будто удалось свести в порядке самостоятельных заимствований беот. *τῆκον*, ион. *σῆκον*, лат. *ficus*, арм. *t'uz* 'фига, инжир, винная ягода (дерево и плод)', ст.-слав. 'тыкы' 'тыква', греч. *σίκιος*, *σίκιος* 'огурец', *σίκυα* 'тыква или дыня' к пеласгской (resp. фракийской) основе с начальным спирантом **þuk(h)-* (< **þuk(h)a-* — по диссимиляции придыхательного с глухим ин-

phrygische Sprache im Lichte der Glossen und Namen. — БЕз 1960, II, стр. 26. Ср.: J. H u b s c h m i d. Mediterrane Substrate. Bern, 1960.

⁵ A. J. van W i n d e k e n s. Contributions à l'étude de l'onomastique pélasgique. Louvain, 1954 и в отдельных статьях; В. И. Георгиев. Исследования по сравнительно-историческому языкознанию. М., 1958; в последнее время Георгиев, несколько изменив свою точку зрения, полагает, что пеласгский язык занимал промежуточное положение между фракийским и языками хетто-лувийской группы (Vl. G e o r g i e v. Les deux langues des inscriptions crétoises en linéaire A. Sofia, 1963, стр. 5).

⁶ W a l d e — P o k o r n y I, стр. 706.

⁷ Vl. G e o r g i e v. Vorgriechische Sprachwissenschaft, Lief. I. Sofia, 1941, стр. 105; ср.: его же. Inscriptions minoennes quasi-bilingues. — «Годишник на Софийския ун-т», ист.-филол. фак-т, XLVI, 4, «Езикознание и литература». София, 1950, стр. 46; его же. Die Träger der kretisch-mykenischen Kultur, ihre Herkunft und ihre Sprache. — Там же, XXXIII, 4, «Езикознание и литература». София, 1936, стр. 74.

тердентальным спирантом), которая в свою очередь может закономерно восходить к и.-е. и-основе *kūkū- < и.-е. *kei- 'пухнуть, вздуваться, становиться большим'⁸ (и.-е. *k давало в пеласгском и фракийском глухой интердентальный спирант *p̥, греческая субSTITУция θ, реже τ, resp. ττ или ςς).

В свете изложенного нам кажется более оправданным сводить корневую часть атт. τεῦ-τλον, ион. σεῖ-τλον через пеласг. *ρei- к полной ступени и.-е. корня *kei-. Ассимиляция, видимо, носит чисто греческий характер, как в беот. τόχον, ион.-атт. σῶχον (подробнее об этом см. указ. статью автора).

Что же касается суффиксальной части, то она может теоретически восходить к одному из двух близких по значению и.-е. суффиксов — *-dhlo- или *-tlo-⁹. Однако и.-е. *-dhlo- по передвижению согласных перешло бы в пеласг. *-dlo, содержащее группу согласных, которая в греческом между гласными ассимилируется в λλ, например: лакон. ἐλλά·καθέδρα (Гесихий) 'сидение, стул', лат. *sella* то же, из и.-е. *sedlā-,ср. праслав. *sedlo 'село' (но из и.-е. *sedra греч. ἑδρα — более употребительный дублет к ἐλλά)¹⁰.

В результате остается единственно возможное — возвести суффиксальную часть к и.-е. суффиксу *-tlo-, который в пеласгском, надо полагать, трансформировался в *-thlo-, с последующей деаспирацией взрывного перед звонким плавным уже в греческом¹¹.

Итак, атт. τεῦτλον, ион. σεῖτλον, по всей вероятности, наряду со многими названиями культурных и диких растений заимствовано из пеласгского. Исходной формой для него послужила пеласгская основа *ρei-thlo-, обозначавшая дикорастущую разновидность свеклы '*Beta maritima L.*' (предшественнику культурных сортов свекловицы), растущую и сейчас по всему Средиземноморью, как, впрочем, и во многих других местах, особенно по морским берегам, и имеющую сравнительно тощий корень, но большие и мясистые листья, из-за которых свекла и стала культивироваться в VI—IV вв. до н. э.¹²

⁸ Рокоглу, стр. 592. Ср.: А. Н еи в е ск. Lydiaka. Erlangen, 1959, стр. 56 сл.; опираясь на эту работу, к указанным словам можно добавить еще лид. *uko* со значением 'фига' и пр.

⁹ E. Schwyzer. Указ. соч., стр. 533; ср.: K. Brugmann. Grundriss der vergleichenden Grammatik der indogermanischen Sprachen, Bd II. Strassburg, 1889, стр. 112 и сл., 200 и сл.

¹⁰ См.: M. Lejeune. Указ. соч., стр. 65.

¹¹ Ср. мысль Швипера о том, что греч. -τλο, -τλα всегда могут быть диссимилированы из -θλ- (E. Schwyzer. Указ. соч., стр. 533).

¹² См.: A. De Candolle. Der Ursprung der Kulturpflanzen. Leipzig, 1884, стр. 74; В. А. Комаров. Происхождение культурных растений. М.—Л., 1938, стр. 127.

В этимологической литературе издавна установилось мнение, что лат. *nāpis* 'брюква' восходит к греч. *νάπι* 'горчица', которое само, как полагают, заимствовано из египетского языка¹³. При этом обычно ссылаются на одно из многочисленных изданий известного труда В. Хена по истории названий культурных растений и домашних животных¹⁴. Согласно Хену, *νάπι* встречается уже у аттических комедиографов (например, у Аристофана) для обозначения едкого вещества, «раздражающего до слез, но прекрасно возбуждающего аппетит», и в такой форме употреблялось всеми писателями древнего периода до тех пор, пока не было вытеснено в македонскую эпоху эллин. *σίναπι*, *σίναπις*, *σίναπις* и пр.¹⁵ В формальном отношении греч. *νάπι* поразительно совпадает с лат. *nāpis*. Отказываясь сказать что-либо определенное об отношениях между греч. *νάπι* и эллин. *σίναπι* и пр., Хен предлагает искать источник обоих слов в египетском языке, принимая во внимание такие парные названия растений, по его мнению, определенно египетского происхождения, как *σίλι* : *σέσελις*, *σάρι* : *σίσαρον* и нек. др.¹⁶

Вальде, повторив рассуждение Хена, дополняет его догадку известной цитатой из Плиния, что у горчицы «*semen optimum Aegyptium*» (*Historia Naturalis* XIX, 171).

Однако оба аргумента в пользу заимствования греческого названия горчицы из египетского по ряду соображений, как нам кажется, лишены достаточной убедительной силы: 1) египетское происхождение греч. *σάρι* : *σίσαρον* и в меньшей степени греч. *σίλι* : *σέσελις*¹⁷ весьма проблематично, поскольку неизвестен прототип этих слов в египетском [ср., например, греч. *λείριον* 'лилия', лат. *lilium* то же, которые определенно восходят к егип. *hr̩-t* (контр. *hr̩ēri*, *hlēli*)]. Может быть, именно это обстоятельство побудило Гофмана усомниться в египетском происхождении приведенных парных названий (к тому же первая пара даже не идентифицирована)¹⁸; 2) с чисто формальной стороны *νάπι* и *σίναπι* не адекватно *σάρι* : *σίσαρον*, *σίλι* : *σέσελις*, где можно думать о редупликации и поэтому, чтобы говорить о близости первых, необходимы другие, более убедительные, доводы;

¹³ См., например: *Walde*, стр. 507, 714; *Boisacq*, стр. 657.

¹⁴ Мы пользовались восьмым изданием, выпущенным в новой редакции О. Шрадера с ботаническими дополнениями А. Енглера и Ф. Пакса (V. Henn. *Kulturpflanzen und Haustiere*. Berlin, 1911).

¹⁵ О позднем происхождении этих форм см. также: *Walde*, стр. 507; *Schrader. Reall.*, стр. 761; E. *Schwyzer. Указ. соч.*, стр. 462.

¹⁶ V. Henn. Указ. соч., стр. 211 сл.

¹⁷ В греческом сохранилось название *σίλ(λ)-κύπριον*, обозначающее какое-то «*ägyptischer Wunderbaum*» (Hofmann, стр. 310).

¹⁸ Hofmann, стр. 310, 313.

3) свидетельство Плиния само по себе, без подтверждения достоверными лингвистическими фактами, не может служить доказательством.

Симптоматично, что уже Гофман выдвигает мысль о возможности независимого заимствования *νῆπιος*: *սինապիս* — их близость у него не вызывает сомнения — и др.-инд. *sarsapa* — 'горчица' из какого-то южно-азиатского источника, например из малайского¹⁹. Но и это предположение по отмеченным причинам не менее сомнительно, чем гипотеза Хена и др.

По крайней мере два существенных момента, по нашему мнению, могут послужить опорным пунктом в преодолении изложенных трудностей и дальнейшем уточнении истории интересующих нас названий.

Привлечение арм. *niv* 'дикая брюква' (значение, почти совпадающее с лат. *nāpus*)²⁰ не только предоставляет столь необходимое в данном случае индоевропейское соответствие за пределами греческого языка — допустить непосредственное заимствование армянского слова из латинского или греческого, кроме всего прочего, препятствует корневой вокализм, — но и позволяет предположить в прототипе греч. *νῆπιος*, лат. *nāpus* широкий открытый корневой гласной *ā*, давший в результате двойственной трактовки в греческом и латинском *a*, в армянском — *i* [арм. *i* < **ē* (resp. *ā*)]. Это обстоятельство первостепенной важности в совокупности с новейшими данными о древнейших индоевропейских субстратных языках Балканского п-ова и высоком уровне развития культуры, в частности земледелия, у племен, населявших Балканы задолго до прихода греков на берега Средиземного моря²¹, побудило нас искать первоначальный источник заимствования для греч. *νῆπιος*, лат. *nāpus* и арм. *niv* во фракийском языке, где гласный типа *ā* хорошо засвидетельствован. Как известно, из языков индоевропейского балканского субстрата греки вместе с реалиями восприняли значительное число названий культурных растений, например: *ἐλαῖα* 'масличное дерево, олива', *ἄλυμψ* 'поздняя, незревающая фига', *σίτος* 'пшеница, хлеб', названия, рассмотренные в предыдущей заметке, и др.; среди них *ῥάφις* 'репа', прихотливая судьба которой взаимно дополняет и корректирует историю

¹⁹ Hofmann, стр. 211.

²⁰ Одним из первых арм. *niv* сопоставил с лат. *nāpus* X. Петерссон (H. Petersson. Griechische und lateinische Wortstudien. Lund, 1922, стр. 31 сл.); лишь полноты ради его приводят Гофман (Hofmann, стр. 211) и А. Карина (А. Сагю. Указ. соч., стр. 245).

²¹ О чрезвычайном значении территорий по нижнему течению Дуная и примыкающих к ним областей Причерноморья в расселении древнейших индоевропейских племен из новых работ см.: J. Mellila aat. Anatolia and the Balkans. — «Antiquity» XXXIV, № 136, 1960, стр. 270 сл.

греч. *ὐάπτω* и близких ему слов²². Подробное изложение многих лингвистических и внелингвистических доводов (историко-археологических, палеоботанических и т. д.), подтверждающих в определенной степени мысль о фракийском (восточнобалканском) происхождении греч. *ὐάπτω*, содержится в нашей статье «Из истории названий некоторых культурных растений» (сб. «Этимология». М., 1963, стр. 52 сл.). В указанной работе в несколько предварительном плане для лат. *pāris* и арм. *niv* реконструируется фракийская (resp. пеласгская) основа *pār-i* или *pārh-i*. Возведение к той же основе греч. *ὐάπτω* с формальной точки зрения не вызывает никаких возражений²³.

В реально-семантическом аспекте сближение лат. *pāris* ‘брюква’, арм. *niv* ‘диная брюква’ и греч. *ὐάπτω* ‘горчица’ не представляется особенно затруднительным. Значительное сходство внешнего облика наземной части многих растений рода *Brassica* и *Sinapis* (семейство крестоцветных)²⁴, надо полагать, способствовало частой метонимии в пределах близких видов; перенос названий мог облегчаться еще и тем, что из семян большинства разновидностей *Brassica* и *Sinapis* с древнейших времен добываются всякие растительные масла (репное, горчичное и т. п.)²⁵. Действительно, в греческом языке при греч. *ῥάφις*, *ῥάπτις* ‘репа’ существует производное от той же основы *ῥάφανος*, *ῥαφάνη*, обозначающее в общегреч. редьку, в аттическом диалекте капусту. В латинском языке *pāris* употреблялось для

²² Нет нужды останавливаться на лексических связях армянского с фракийским и фригийским, поскольку это с некоторыми дефинициями почти общепризнанный факт, по хотелось бы специально отметить наличие нескольких догреческо-армянских изоглосс, возможно, свидетельствующих о самостоятельных заимствованиях из родственного субстрата, например (до)греч. *φυχή* ‘дыхание, душа’—арм. *r'uk'* ‘дыхание’, (до)греч. *ψαυκρός* ‘нежный, хрупкий’—арм. *p'ok'* ‘маленький’, (до)греч. *παρθέος* ‘девушка, молодая женщина’—арм. *harsn* ‘невеста’ и др. (см.: О. Н. а а с. Armenier und Phryger.—БЕз III, 2, 1961, стр. 50 сл.; е г о ж е. Die Lehre von den indogermanischen Substraten in Griechenland. — БЕз I, 1959, стр. 46 сл.).

²³ Карнуа в названном выше словаре и в статьях «Substrat et adstrat en grec» («Orbis» VIII, № 2, 1959, стр. 428) и «Etudes étymologiques sur le vocabulaire latin des plantes» («Studia Linguistica» XIII, № 2, 1959, стр. 124) пытается объяснить происхождение *ὐάπτω* и *ἅπτω* на греческой почве из и.-е. **sna-p-*, от и.-е. корня **sna-* ‘течь, сочиться’. Эта типичная для метода Карнуа корневая этимология, не подтвержденная какими-либо сопоставлениями, выглядит совершенно неубедительно, не говоря уже о том, что Карнуа, стремясь оправдать сохранение *ᾳ*- в эллинистических формах, вынужден прибегнуть к произвольному постулированию и.-е. дублетов **snap(u)* : **sənap(u)*. Также см.: J. And g. [Реп. на кн.:] А. Сагноу. Dictionnaire étymologique des noms grecs de plantes.—BSL 55, 2, 1960, стр. 99.

²⁴ БСЭ, изд. 2-е, т. 23, стр. 353.

²⁵ П. М. Жуковский. Культурные растения и их сородичи. М., 1950, стр. 230.

обозначения брюквы, репы, редиски и хрена²⁶. Подобное смещение наблюдается и в славянских языках. Более прямую параллель в данном случае обнаруживают немецкие диалекты, в которых *Sinapis arvensis* и *Raphanistrum arvense* имеют одинаковое название²⁷. Видимо, такой же синкретизм можно предположить как для греч. *ὐάπτιον*, в древности, вероятно, равно обозначавшего репу, брюкву и горчицу, так и для его фракийского прототипа. В великолепном словаре Ж. Андре, отличающемся тщательной и вместе с тем осторожной идентификацией, под словом *pāpis* говорится, что «горчица и репа (*la rave et le navet*) имеют в древнегреческом... общее название»²⁸. В то же время *sinapis* и пр. в латинском значило, согласно Андре, не только горчицу '*sinapis alba L.*' и '*Brassica nigra L.*', но применялось и к другим крестоцветным²⁹.

В таком случае лат. *pāpis* (учитывая массовость проникновения греческих названий растений в латинский язык) скорее всего заимствовано из греческого и, видимо, до того, когда название *ὐάπτιον* закрепилось единственно за горчицей, тем более что греческий, кроме (до)греч. *ῥάφις*, располагал для брюквы и репы специализированными названиями чисто греческого происхождения: *βουνιάς* 'брюква, *Brassica napus L.*' и *τούγγολης*, *τούγγόλη* 'репа, *Brassica rapa L.*'³⁰. Относительно генетической близости *ὐάπτιον* и *σίναπτιον* вопрос по-прежнему остается открытым. Но правдоподобнее всего догадка, высказанная еще Шрадером, что в эллинистический период с *ὐάπτιον* было поставлено в связь случайноозвучное название неизвестного происхождения *σίναπτιον* и пр.³¹ Возможно, именно в силу синкретичности значения *ὐάπτιον* было вытеснено более специализированным новым названием горчицы, проникшим затем в латинский и германские языки³².

²⁶ J. André. Lexique des termes de botanique en latin. Paris, 1956, стр. 216.

²⁷ Schrader. Reall., 761.

²⁸ J. André. Указ. соч., стр. 216.

²⁹ Там же, стр. 294.

³⁰ См.: Hofmann, стр. 38, 46; А. Сагноу. Указ. соч., стр. 56, 133; оба названия образованы по внешнему виду корнеплода.

³¹ Schrader. Reall., 761. Ср. упоминавшуюся выше гипотезу Гофмана о распространении этого названия откуда-нибудь из Южной Азии.

³² Klug¹⁵, стр. 719.